

Политический контекст применения пыток. Социо- психологический анализ

Герберт Келман*

Герберт Келман – специалист по социальной этике, заслуженный профессор Гарвардского университета (в отставке). Занимается проблематикой международных конфликтов и их разрешения, в частности, ситуацией на Ближнем Востоке.

Краткое содержание

Применение пыток рассматривается здесь как преступление, совершаемое по приказу начальника. Оно непременно связано с преступлениями, совершаемыми на более высоком иерархическом уровне, где издаются приказы, формулируется политика и создается атмосфера, способствующая применению пыток. Настоящее исследование выделяет ряд условий, при которых пытки превращаются в инструмент государственной политики, для реализации которой используется вся властная структура

* Настоящая статья написана на основании доклада, сделанного на конференции «Война и мир: социально-психологические подходы к вооруженному конфликту и гуманитарной проблематике», проходившей в Женевском университете с 9 по 11 сентября 2004 г. В докладе автор использовал материалы написанной им главы («The social context of torture: Policy process and authority structure»), помещенной в книге Ronald D. Crelinsten & Alex P. Schmid (eds.), *The Politics of Pain: Torturers and Their Masters*, University of Leiden (COMT), Leiden, The Netherlands, 1993, pp. 21–38.

государства. Например, власти считают, что безопасность страны находится под угрозой. На высшем уровне такая ситуация может привести к оправданию применения пыток, а на низшем уровне – к одобрению подобной практики. Или наличие сложного и мощного аппарата, отвечающего за безопасность государства. На высшем уровне это может привести к набору и подготовке специальных кадров, претворяющих такую политику в жизнь и являющихся составной частью такого аппарата, а на низшем уровне – превратить пытки в обыденность. Или же наличие в государстве (или на территории, контролируемой государством) враждебно настроенной и ущемленной в правах этнической, религиозной, политической или какой-либо иной группы. На высшем уровне это может привести к провозглашению такой группы врагами народа и подходящим объектом для пыток, а на низшем уровне – к ее дегуманизации.

Жестокое обращение американских солдат с иракскими заключенными в тюрьме Абу-Грейб, о котором стало известно весной 2004 г., вновь поставило вопрос о применении пыток – прежде всего, в ситуации вооруженного конфликта или борьбы против терроризма – в центр внимания международной общественности. Совершенно законно рассматривать эти события в рамках оценки войны в Ираке, а также политики США в этом регионе. Однако было бы серьезной ошибкой считать, что пытки – исключительно американское явление и что действительно понять это явление можно лишь в контексте особого характера войны в Ираке. Абу-Грейб даже нельзя считать единственным или самым исключительным примером применения пыток в мире. Наоборот, пытки широко практикуются во многих странах. Кроме того, они являются неотъемлемой чертой диктаторских режимов и в значительно меньшей степени характерны для демократических государств. Однако Абу-Грейб может служить напоминанием о том, что при определенных общественных условиях даже демократические государства могут прибегать к пыткам. Целью настоящей статьи является изучение социальных условий, приводящих к применению пыток, вне зависимости от того, где это происходит.

Моя точка зрения такова, что если мы действительно хотим объяснить применение пыток, нам следует отойти от рассмотрения особенностей отдельных исполнителей или даже ситуаций, в которых применяются пытки, и обратить внимание на более широкий политический контекст, в котором все это происходит. Например, в случае с Абу-Грейбом прово-

дивший расследование Сеймур Херш¹ – кстати, это именно он рассказал о произошедшей в Сонгми резне и о тех усилиях, которые предпринимались, чтобы скрыть эту информацию от внимания общественности² (в начале 70-х годов³ именно это побудило Ли Гамильтона и меня заняться проблемой преступлений, совершаемых по приказу начальника) – обнаружил, что имевшие там место нарушения носили системный характер. Они совершались в процессе допросов и, по всей вероятности, имели целью «подготовить» пленного к встрече с представителями разведки. Несомненно, некоторые исполнители проявляли большую инициативу, чем остальные, получая при этом садистское удовольствие, однако все они действовали в атмосфере давления, от них требовалось получить разведанные от заведомо считавшихся виновными заключенных. Независимо от того, отдавался прямой приказ о применении пыток и совершении того или иного конкретного нарушения или нет, факты свидетельствуют, что вышестоящие командиры предполагали применение пыток, поощряли их и потворствовали им. Командиры различных уровней военной иерархии обвиняются, как минимум, в недостаточном контроле за условиями содержания под стражей и методами ведения допроса в Абу-Грейбе и других военных тюрьмах, в которых содержались подозреваемые террористы.

За то время, что прошло после разоблачения нарушений, имевших место в Абу-Грейбе, становится все более очевидным, что обращение с содержащимися в этой тюрьме лицами – не исключение, что оно не было следствием решений и мер, принимавшихся (или не принимавшихся) исключительно на местном уровне. Аналогичные нарушения, связанные с агрессивной манерой ведения допроса, происходили и в других тюрьмах Ирака, а если обратиться к событиям 2002 г. – в Афганистане и в Гуантанамо. Многочисленные документы свидетельствуют о том, что методы и приемы ведения допроса, обнаруженные в Абу-Грейбе, были «заимствованы» из Гуантанамо и Афганистана и что они в разное время получили одобрение или оправдание со стороны высокопоставленных официальных лиц в Пентагоне и Белом доме⁴. Например, директивы, циркулировавшие

- 1 Seymour Hersh, «Torture at Abu Ghraib», *The New Yorker*, Vol. 80, No 11, 2004, pp. 42–47; Seymour Hersh, «Chain of Command», *The New Yorker*, Vol. 80, No 12, 2004, p. 38–43.
- 2 См.: Seymour Hersh, *My Lai 4: A Report on the Massacre and its Aftermath*, Vintage Books, New York, 1970; Seymour Hersh, *Cover-up*, Random House, New York, 1972.
- 3 Herbert C. Kelman and Lee H. Lawrence [V. Lee Hamilton], «Assignment of responsibility in the case of Lt. Calley: Preliminary report on a national survey», *Journal of Social Issues*, Vol. 28, No 1, 1972, pp. 177–212; Herbert C. Kelman and V. Lee Hamilton, «Availability for violence: A study of U.S. public reactions to the trial of Lt. Calley» in: Josef D. Ben-Dak (ed.), *The Future of Collective Violence: Societal and International Perspectives*, Studentlitteratur, Lund, Sweden, 1974, pp. 125–142.
- 4 См.: Mark Danner, *Torture and Truth: America, Abu Ghraib, and the War on Terror*, New York Review Books, New York, 2004; and Steven Strasser, *The Abu Ghraib Investigations: The Official Independent Panel and Pentagon Reports on the Shocking Prisoner Abuse in Iraq*, PublicAffairs, New York, 2004.

в высших эшелонах администрации, санкционировали жесткие методы ведения допроса. В них давалось столь узкое определение понятия «пытки», что становилось допустимым обращение, основанное на причинении боли, подрывающее здоровье и унижающее человеческое достоинство. Это свидетельствовало о том, что положения Женевских конвенций не применялись по отношению к «незаконным комбатантам»⁵. Жестокое обращение с заключенными, о котором идет речь в различных докладах, особенно с учетом того, в какой ситуации это происходило, носит все признаки физических и психологических пыток. На самом деле, содержащаяся в них информация весьма напоминает те обстоятельства, при которых, как известно, пытки некогда применялись в других странах мира.

Применение пыток

Несмотря на то, что применение пыток считается преступлением в соответствии с Конвенцией против пыток, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1984 г.⁶, и другими соответствующими международными документами, и несмотря на то, что оно аналогичным образом трактуется и в национальных законодательствах многих стран–членов ООН, эта практика широко распространена в мире. Некоторые случаи применения пыток составляют «обычное» преступление, то есть преступление, совершенное в нарушение ожиданий и инструкций руководства. Применение пыток являлось бы обычным преступлением, если бы оно совершалось отдельными официальными лицами по их собственной инициативе и в нарушение общей политической линии и приказов, определяющих их деятельность. Аналогичным образом, официальных лиц можно было бы обвинять в совершении обычного преступления, если бы они использовали давление, превышающее законно допустимый уровень.

Однако суть применения пыток состоит в том, что это не обычное преступление, а преступление по приказу начальника, преступление, совершаемое не в нарушение требований руководства, а в соответствии с его прямыми указаниями или при неявной поддержке, когда применение пы-

5 Самые последние разоблачения содержатся в документах, полученных и опубликованных Американским союзом защиты гражданских свобод, включая доклады ФБР, в которых приводится описание серьезных нарушений прав заключенных, а также допросов с высоким применением насилия еще в 2002 г. в Гуантанамо. Ряд агентов ФБР в своих докладах высказывают мнение, что наблюдаемая ими практика (которая, по их мнению, нежелательна и непродуктивна) получила одобрение на самом верху, в Пентагоне и (или) Белом доме. См.: Kate Zernike, «Newly released reports show early concern on prison abuse», *New York Times*, 6 January 2005, pp. A1 and A18.

6 J. Herman Burgers and Hans Danelius, *The United Nations Convention against Torture: A Handbook on the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment*, Martinus Nijhoff Publishers, Dordrecht/Boston/London, 1988, pp. 177–8.

ток подразумевается или, по крайней мере, не вызывает возражений властей. Ли Гамильтон и я определяем подобные преступления как «действия, которые совершаются во исполнение приказа начальника, но большинством членов общества оцениваются как незаконные или аморальные»⁷. Международное сообщество применение пыток однозначно считает незаконным и аморальным, оно запрещено международными декларациями и конвенциями, которые были единогласно приняты государствами-участниками ООН. И все же руководство тех же самых государств отдает приказы о применении пыток, поощряет или попустительствует подобным действиям как в отдельных конкретных случаях, так и в рамках государственной политики.

Когда обычное преступление становится преступлением, *совершаемым по приказу начальника*? Часто – и это справедливо как в отношении применения пыток, так и в отношении других серьезных нарушений прав человека – подобные действия осуществляются с готовностью и энтузиазмом, а в некоторых случаях даже с проявлением личной инициативы. Однако «то, что преступные действия мотивированы личными обстоятельствами и при их совершении проявляется значительная инициатива и заинтересованность, совершенно не мешает относить их к категории преступлений, совершенных по приказу начальника»⁸ до тех пор, пока такие действия получают поддержку со стороны властей; то есть до тех пор, пока нарушители считают и имеют основания считать, что их действия санкционированы руководством, что власти предполагают, допускают, а возможно, и одобряют эти действия, что они совпадают с официальной политикой и отвечают ожиданиям начальства.

Если мы признаем, что применение пыток – это преступление, совершенное по приказу начальника, это сразу же заставит нас посмотреть и на другую сторону медали, а именно, на преступления должностных лиц, которые неизменно сопутствуют преступлениям, совершенным по приказу начальника, поскольку над каждым подчиненным, исполняющим приказ о применении пыток, или применяющим пытки при поддержке или попустительстве руководства, стоит свой начальник или даже целая иерархия чиновников. Они отдают указания и определяют политику, которая требует или допускает применение пыток. Хотя высшее руководство, возможно, и не отдает конкретных указаний о применении пыток, именно оно определяет политику, создает атмосферу и устанавливает рамки, в ко-

7 Herbert C. Kelman and V. Lee Hamilton, *Crimes of Obedience: Toward a Social Psychology of Authority and Responsibility*, Yale University Press, New Haven and London, 1989, p. 46.

8 Там же, p. 50.

торых официальные лица промежуточного звена переводят общие политические директивы на конкретный язык пыток.

То, что преступления, совершаемые по приказу начальника, совершаются в рамках иерархической структуры, в значительной степени затрудняет определение лиц, ответственных за их совершение. Однако вопрос состоит не в том, «кто виноват?» – исполнитель или руководство, – а в том, «кто виноват *в чем?*» Когда вопрос ставится подобным образом, становится ясно, что к ответственности следует привлекать и тех, и других.

Исполнители совершенно справедливо привлекаются к ответственности за совершаемые ими действия и наносимый ими вред, даже в том случае, если они выполняют указания руководства. После Второй мировой войны, когда были приняты Нюрнбергские принципы, вошедшие в военное законодательство всех западных государств, приказ начальника уже не может служить полным оправданием для преступных действий подчиненных. Конвенция ООН против пыток применяет этот принцип конкретно к исполнителям, устанавливая, что «приказ вышестоящего начальника или государственной власти не может служить оправданием пыток»⁹. Подчиненные обязаны оценивать законность приказов и не подчиняться тем приказам, которые, как они понимают или должны были бы понимать, являются незаконными.

Начальники, со своей стороны, обязаны учитывать последствия проводимой ими политики и следить за тем, каким образом эта политика переводится на язык конкретных приказов и действий их подчиненными. Обязанность руководства контролировать действия подчиненных в целом делает неприемлемым аргумент о незнании или отсутствии контроля, поскольку руководство должно знать, что делают подчиненные и контролировать их действия. Конечно, чаще всего применение пыток является результатом не халатности руководства, а его преднамеренной политики или преднамеренного невнимания к тому, каким образом она осуществляется подчиненными.

Политический контекст применения пыток

Если рассматривать пытки как преступление, совершаемое по приказу начальника, это следует делать в контексте порождающего их политического процесса и той системы власти, которая эту политику осуществляет. Поэтому для выявления основных факторов, способствующих применению пыток, и основных факторов, способных изменить подобную практику, я

⁹ Burgers and Danelius, *op. cit.* (примечание 6), p. 178.

обращаюсь к изучению политического процесса и системы власти. При этом я не пытаюсь принизить роль индивидуальных различий и различий, налагаемых принадлежностью к той или иной культуре.

Что касается индивидуальных различий, то я уверен, что роль палача выбирается человеком в достаточной степени добровольно. Более того, занимающиеся этим делом люди различаются по степени энтузиазма, прилежности и инициативности, с какой они относятся к своим обязанностям. Различия в характере и окружающей человека среде, несомненно, играют важную роль в том, согласится ли человек применять пытки и будет ли он выполнять эту роль с рвением и удовольствием. Однако внимание к структурным факторам позволяет нам понять, почему многие и даже большинство из таких людей не садисты, а обычные люди, которые просто выполняют то, что они считают своей работой. Можно также добавить, что индивидуальные различия, определяющие готовность человека к применению пыток, могут быть в равной степени обусловлены как ориентированностью человека на власть, так и его склонностью к агрессии или его чувством сострадания¹⁰.

Культурные различия, особенно различия в политической культуре, несомненно, также играют важную роль. Например, Берто Йонгман¹¹ показывает, что вероятность нарушения прав человека, включая применение пыток, значительно выше в недемократических и малоразвитых странах, чем в демократических и высокоразвитых. Вероятность того, что пытки будут применяться в демократических государствах, значительно ниже именно в силу их политического процесса и структуры власти. Однако применение пыток случается и в высокоразвитых демократических государствах. Обычно это происходит в контексте контртеррористических операций или вооруженных конфликтов, как убедительно показывают примеры Гуантанамо и Абу-Грейб. Существуют общественно-политические условия, при которых демократические государства, в которых обычно соблюдаются права человека, могут санкционировать применение пыток. Существуют и общественно-политические условия, при которых обычные порядочные люди бывают вынуждены принимать во всем этом участие. Таким образом, хотя индивидуальные и культурные факторы играют существенную роль в применении пыток, они проявляются во взаимодействии с политическим процессом и структурой власти, которые порождают подобную практику.

10 См.: Kelman and Hamilton, 1989, *op. cit.* (примечание 7), chs. 11 and 12.

11 Berto Jongman, «Why some States kill and torture while others do not», *PIOOM Newsletter*, 1991, Vol. 3, No 1, pp. 8 – 11.

Применение пыток как инструмент политики

Пытки применяются организациями или отдельными личностями, не представляющими государство, например, партизанами или освободительными движениями, однако в первую очередь это явление связано с государством. В XX веке пытки вновь и вновь применялись как инструмент политики, что напрямую связано с природой современного государства. В частности, как утверждает в своем исследовании, посвященном вопросам истории, Эдвард Питерс¹², в современном государстве пытки возникают в результате взаимодействия двух признаков современного государства: его чрезвычайной силы и его чрезвычайной уязвимости в отношении как внутреннего, так и внешнего врага. Сила современного государства основана на том, в какой степени оно воздействует на все стороны жизни своих граждан, и ресурсов, которые оно способно мобилизовать для контроля над населением. Слабость современного государства заключается в высокой степени взаимозависимости между его политическими, экономическими и социальными составляющими, без которых современным обществом невозможно управлять, а также в той легкости, с которой общественный порядок разрушается, а политические власти теряют контроль над ситуацией, когда их легитимность в глазах общества падает или когда они сталкиваются с проблемой терроризма и восстаний.

Условия, заставляющие применять пытки в качестве инструмента государственной политики, возникают тогда, когда власти ощущают прямую внешнюю или внутреннюю угрозу для безопасности государства; когда имеется служба безопасности, позволяющая государству использовать свои огромные возможности для противодействия подобной угрозе при помощи репрессий; когда в обществе имеются группы, воспринимаемые как враждебные для государства или как потенциальная угроза для него (см. таблицу).

Применение пыток: политический контекст

Обстоятельства, способствующие применению пыток в качестве инструмента государственной политики	Общественные процессы, способствующие применению пыток	
	На уровне формирования политики	На уровне исполнения
Ощущение угрозы для безопасности государства	Оправдание политики применения пыток	Разрешение на применение пыток

12 Edward Peters, *Torture*, Basil Blackwell, New York and London, 1985.

Наличие аппарата службы безопасности	Подготовка профессиональных кадров	Превращение пыток в обычную практику
Наличие групп, которые определяются как враждебные для государства	Лишение выделенной группы защиты со стороны государства	Дегуманизация выделенной группы

Применение репрессий особенно вероятно в ситуациях, когда оппозиция ставит под вопрос легитимность существующей власти и, соответственно, угрожает ее возможности удерживать власть впредь. Подобная ситуация может складываться в государствах, где *легитимность* правителей основана на неизменной унитарной идеологии (политической или религиозной) или где власть принадлежит правящей клике, опирающейся на очень маленькую группу населения (в социально–экономическом и (или) этническом плане), но получающей поддержку со стороны вооруженных сил. Однако пытки могут применяться – время от времени или систематически – и в демократических государствах, где имеется этнически–отличная группа населения, не принимающая существующей власти. В качестве примера можно привести действия Израиля на оккупированных территориях или Великобритании в Северной Ирландии.

Когда государственная власть прибегает к пыткам, она часто ссылается на длительный период насилия, направленного против государства: повстанческие действия, партизанские операции или террористические акты. Несомненно, пытки иногда применяются к людям, единственным преступлением которых являются иные политические или религиозные взгляды или просто принадлежность к религиозному или этническому сообществу, которое не вписывается в систему представлений правящей группы. Тем не менее, главным аргументом для оправдания политики пыток является применение или угроза применения насилия против государства¹³.

Учитывая ту важную роль, которую играет угроза насилия в оправдании политики пыток в наше время, неудивительно, что пытки чаще всего случаются во время войны или вооруженного конфликта. Хотя до сих пор предметом моего анализа было применение пыток в пределах одного государства с целью подавления тех групп населения внутри страны, в которых власти видят угрозу безопасности государства или агентов и союзников внешних врагов государства, используемая методика в равной степени применима и к ситуации войны или оккупации, когда пытки могут применяться к представителям противной стороны или лицам, подозреваемым в ее поддержке. Применение пыток во время войны, часто направ-

13 Wolfgang S. Heinz, «The military, torture and human rights: Experiences from Argentina, Brazil, Chile and Uruguay», in Ronald D. Crelinsten and Alex P. Schmid (eds.), *The Politics of Pain: Torturers and their Masters*, COMT, University of Leiden, Leiden. The Netherlands, 1993, pp. 73–108.

ленное и против гражданского населения, и против военных, становится все более вероятным по мере того, как война из классического столкновения между организованными вооруженными силами превращается в противоборство между целыми группами населения, когда гражданское население зачастую становится объектом преднамеренного нападения¹⁴. В подобном контексте пытки могут стать частью государственной политики контроля и подавления населения, а также инструментом ведения допроса и психологической войны. Условия, приводящие к применению пыток в ситуации вооруженного конфликта, не отличаются от тех, что приведены в таблице. Еще раз повторю, что в подобной ситуации демократические государства не застрахованы от применения пыток, как со всей очевидностью показывают действия США в Афганистане и Ираке.

Социальные процессы, способствующие применению пыток

На уровне формирования политики возможны три основных сценария, при которых соображения государственной безопасности становятся удобным оправданием для применения пыток, а возможности государства позволяют воплощать их в жизнь, а именно: определять цель и оправдывать применение пыток; подбирать кадры для практического осуществления этой политики; определять объект пыток (см. таблицу).

Первый сценарий. Главное оправдание применения пыток, как уже говорилось, – это защита безопасности государства от внутренних и внешних угроз, что часто означает сохранение у власти той более или менее ограниченной группы, которая захватила контроль над государственным аппаратом. Оправдание применению пыток находят в конкретной доктрине, делающей законным само существование государства: поддержание правопорядка и стабильности, власти «народа», которую, как считается, воплощает государство, или божественной власти, или выживание западной цивилизации, или неприкосновенность национальных институтов. Естественно, во время войны оправданием для применения вооруженной силы обычно служит тезис защиты национальной безопасности и жизненно-важных интересов государства от опасности, что включает и все те меры, принятие которых считается необходимым для достижения военных целей, в том числе и пытки.

Второй. Люди, в обязанность которых вменяется применение пыток, считаются принадлежащими к особой профессии, играющей важную роль в защите государства от внутренних угроз его безопасности. Возмож-

14 Martin Shaw, *War and Genocide: Organized Killing in Modern Society*, Polity Press, Cambridge, UK, 2003.

ности государства позволяют мобилизовать необходимые ресурсы и сформировать аппарат для применения пыток. Мобилизация нацелена на формирование кадрового состава, отвечающего за применение пыток, то есть, по сути дела – создание профессиональной категории, служащей интересам государства, выполняющей задачи внутренней безопасности и всецело преданной государству и его защите. Как и любой профессионал, палач проходит курс жесткой профессиональной, психологической и идеологической подготовки, который должен подготовить его к выполнению своих функций¹⁵. Как правило, это включает выработку невосприимчивости к страданиям, что приучает его к жестокости¹⁶. (Следует заметить, что во время войны адаптация к насилию и жестокости происходит каждый день и не требует специальной подготовки.) Еще одной особенностью профессионализации пыток является то, что эта профессия приобретает международные масштабы. Она собирает представителей разных стран мира на международные форумы поделиться опытом, как организовать процесс обучения и усовершенствовать методику применения пыток.

Третий. Объект пыток провозглашается врагом государства, поскольку представляет собой серьезную угрозу его безопасности и существованию. По этой и по другим причинам, таким как этническая принадлежность или приверженность иной идеологии, такая группа перестает получать защиту со стороны государства. В современном государстве права личности, по сути дела, определяются государством. Поэтому отказ в покровительстве государства – отказ в праве на гражданство – равнозначен потере гражданского статуса, в результате чего становится допустимым произвольное обращение, применение пыток и, в конечном итоге, уничтожение человека. В ситуации вооруженного конфликта объект пыток, по определению, зачисляется в категорию противника, не имеющего права на защиту со стороны государства. В принципе, комбатанты противника и гражданское население защищены от пыток и других нарушений прав человека Женевскими конвенциями¹⁷. В реальности же во время войны люди, которых относят к категории противника, могут легко стать объектом пыток.

15 H. Radtke, «Torture as an illegal means of control», in Franz Bockle and Jacque Pohier (eds.), *The Death Penalty and Torture*, Seabury Press, New York, 1979, pp. 3–15; Janice T. Gibson, «Factors contributing to the creation of a torturer» in Peter Suedfeld (ed.), *Psychology and Torture*, Hemisphere Publishing Corporation, New York, 1990, pp. 77–88.

16 Radtke, *op. cit.* (примечание 15), также см. Ronald D. Crelinsten, «In their own words: The world of the torturer», in Ronald D. Crelinsten and Alex P. Schmid (eds.), *The Politics of Pain: Torturers and their Masters*. COMI, University of Leiden, Leiden, The Netherlands, 1993, pp. 39–72.

17 Женевская конвенция об обращении с военнопленными, 12 августа 1949 г.; Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны, 12 августа 1949 г.

Социальные процессы, способствующие вовлечению в процесс применения пыток

Можно провести параллель между тремя сценариями, в которых соображения безопасности и возможности государства способствуют применению пыток *на уровне руководства* (оправдание пыток, создание аппарата для осуществления пыток и определение объекта пыток), и тремя видами социальных процессов, которые способствуют вовлечению людей в применение пыток *на уровне исполнителей*: разрешение на применение пыток, превращение пыток в обычную практику, дегуманизация лиц, подвергаемых пыткам, которые я выделил в своей давней работе, посвященной санкционированной резне и другим видам преступлений, совершаемых по приказу начальника¹⁸. Оправдание пыток как средства защиты государства от угрозы его безопасности приводит к *разрешению* пыток; в результате появления профессии палача применение пыток становится *обычной практикой*, а определение объекта пыток как врага государства, не подлежащего защите со стороны государства, способствует *дегуманизации* жертв (см. таблицу, правая колонка). Эти социальные процессы ведут к ослаблению моральных ограничений, препятствующих участию в применении пыток и совершении иных серьезных нарушений прав человека. Разрешение на применение пыток снимает с человека ответственность за моральный выбор, который он делает на основании общепринятых этических норм. Превращение пыток в обычную практику позволяет не обращать внимания на общий смысл тех задач, которые ему приходится выполнять, и исключает возможность задавать вопросы о нравственной стороне дела. Дегуманизация выводит жертвы из системы нравственных критериев, регулирующих жизнь сообщества, к которому принадлежит сам исполнитель, и делает необязательным соблюдение в отношении них этических норм. Указанные процессы в значительной мере опосредованы отношениями, существующими между исполнителем и государством.

Значение разрешения усиливается еще и тем, что, как правило, исполнители не просто действуют в рамках служебной иерархии и обязаны повиноваться, – собственно говоря, они обучены подчиняться, не раздумывая¹⁹, – они участвуют в действиях, которые носят *исключительный характер*. Исполнители разделяют мнение руководства, что выполняемая ими работа служит высокой цели, которая значительно важнее, чем любые

18 Herbert C. Kelman, «Violence without moral restraints: Reflections on the dehumanization of victims and victimizers», *Journal of Social Issues*, Vol. 29, No 4, 1973, pp. 25 – 61; Kelman and Hamilton, 1989, *op. cit.* (примечание 7).

19 Gibson, *op. cit.* (примечание 15).

соображения морального плана. Они видят себя исполняющими важную роль в защите государства, обеспечивая его безопасность и целостность, поддерживая правопорядок и основополагающие ценности, которые подвергаются безжалостным нападкам со стороны беспощадного противника, задумавшего уничтожить государство. Подобный взгляд на предполагаемые цели пыток как составной части благородной миссии, для выполнения которой палач готов выполнить свою задачу, невзирая на все ограничения морального характера и возможное отвращение, в значительной мере усиливает легитимность такой деятельности.

В применении пыток присутствует еще один элемент, который придает им видимость законности. Это участие медицинского персонала, который часто принимает во всем этом активное участие и оценивает, позволяет ли физическое состояние жертвы выдержать весь процесс целиком; который заботится о том, чтобы пытки не перешли того предела, за которым человек может умереть, а также выполняет другие функции²⁰. Между прочим, роль врачей в допросах, которые приравнивались к пыткам, отмечалась и в связи с Абу-Грейб²¹. Оправдание пыток как необходимого инструмента в получении «правды» также способствует появлению ауры легитимности вокруг этого процесса. То же самое можно сказать и о правовом контексте, в котором все это происходит. Часто пытки сопутствуют судебному разбирательству, в котором они применяются для получения показаний, используемых во время процесса. Подобная практика уходит своими корнями в изначальное предназначение пыток – в Древнем Риме и средневековье – как основного средства получения признания, которое считалось необходимым для установления виновности обвиняемого²².

Превращению пыток в обычную практику способствует подготовка особой категории профессионалов, что превращает эту деятельность в обычную и даже благородную работу. Палачи считают, что они выполняют не просто работу, а долг. Эта работа часто означает тяжелый труд, в результате которого человек может ждать повышения по службе и иного поощрения. Она позволяет проявить инициативу, в ней можно отличиться и стать специалистом. Более того, это такая работа, которой можно гордиться, потому что ты служишь своей стране, потому что, выполняя ее, ты можешь оказаться среди элиты общества.

20 Stephen V. Faraone, «Psychology's role in the campaign to abolish torture: Can individuals and organizations make a difference?», in Peter Suedfeld (ed.), *Psychology and Torture*, Hemisphere Publishing Corporation, New York, 1990, pp. 185–193. Также см. Jean Maria Arrigo, «A utilitarian argument against torture interrogation of terrorists», *Science and Engineering Ethics*, Vol. 10, No 3, 2004, pp. 543–572.

21 Например, см. M. Gregg Bloch and Jonathan H. Marks, «When doctors go to war», *The New England Journal of Medicine*, Vol. 29, No 1, 6 January 2005, pp. 3–6.

22 Peters, *op. cit.* (примечание 12).

Само применение пыток отличается достаточной рутинностью. Как правило, он состоит из нескольких четко различимых этапов, следующих друг за другом в определенной последовательности. Для применяемых методик и камер, где все это происходит, обычно выбираются специальные названия, часто с использованием эвфемизмов или иронии. Это делается не столько для того, чтобы скрыть то, что происходит, сколько служит выражением профессиональной культуры с присущими ей языком и ритуалами²³. Применяемые соответствующими ведомствами процедуры, в том числе и различные психологические приемы, отличаются значительной изощренностью. Это придает работе ауру профессионализма, позволяя исполнителю воспринимать ее не как жестокость, направленную против другого человеческого существа, а как обычное применение специальных знаний и навыков.

В процессе дегуманизации государство также играет существенную роль, возвращаясь, по сути дела, к стародавним временам. В правовой системе Древнего Рима пытки как средство получения признания изначально применялись лишь к рабам или иностранцам, но не к гражданам²⁴. В современной практике жертвами пыток становятся лица, или не являющиеся гражданами, или не воспринимаемые как таковые. Основным источником их дегуманизации является то, что они считаются врагами государства, не разделяющими моральных ценностей, значимых для остального населения. Их называют террористами, повстанцами или диссидентами, которые угрожают государству и склонны к нарушению правопорядка и разложению общества. Восприятие жертв пыток как не являющихся гражданами страны и не имеющих права на покровительство государства, хорошо иллюстрируется записями разговоров, которые Хайнц²⁵ вел с «запленных дел мастерами» из Южной Америки. Как только они выясняли, что партизаны – это коммунисты, они видели в них иностранных агентов, тем самым как бы лишая их гражданства. Более того, пытки усилились, когда партизаны начали убивать офицеров и их семьи, поскольку в них стали видеть не только чужаков, не имеющих права на покровительство государства, но и угрозу, от которой общество имеет право себя защищать.

Отправной точкой в применении пыток сегодня – так же как и в прежние времена, когда пытки были составной частью уголовного процесса – является восприятие жертвы как заведомо виновной. При применении пыток исходят из того, что те, кого приходится пытать, – партизаны,

23 Radtke, *op. cit.* (примечание 15).

24 Peters, *op. cit.* (примечание 12).

25 Heinz, *op. cit.* (примечание 13).

повстанцы и террористы, совершившие и (или) планирующие опасные преступления против государства. Таким образом, пытки предназначены исключительно для наказания виновных, предупреждения их сообщников и, самое главное, – для получения от них правдивой информации. И действительно, применение пыток часто оправдывают тем, что это единственный способ получить сведения, необходимые для защиты государства и его граждан – например, о личности и местонахождении главарей террористических организаций или о планируемых террористических операциях, – которыми, как предполагается, обладают жертвы пыток.

Дегуманизации жертв пыток способствует то обстоятельство, что даже если они являются гражданами подвергающего их пыткам государства, они зачастую не принадлежат ни к одной с палачами этнической или религиозной общности, ни к доминирующему сегменту общества. Именно так обстояло дело с курдами в Ираке, бахаистами в Иране, палестинцами в Кувейте и на оккупированных Израилем территориях, ирландскими католиками в Северной Ирландии и боснийскими мусульманами в бывшей Югославии. И это лишь несколько примеров. Во многих случаях этническая и религиозная принадлежность жертв сама по себе является первопричиной того, что их подвергают пыткам. В других случаях этническая и религиозная принадлежность выливается в выражение несогласия или мятеж. В любом случае, она способствует восприятию их как чужаков и дегуманизации, тем самым устраняя факторы, сдерживающие применение пыток и совершение других серьезных нарушений прав человека.

Заключение

Условия, способствующие применению пыток, являются неотъемлемой чертой автократического полицейского государства. Поэтому в некотором смысле решение проблемы пыток лежит в движении по направлению к демократии: ведь в государствах, которые управляются с согласия управляемых и которые отчитываются в своих действиях и политике, применение пыток значительно менее вероятно. Тем не менее, и западные демократии не застрахованы от обстоятельств, провоцирующих руководство страны использовать пытки как инструмент политики и позволяющих им проводить такую политику: это осознание серьезной угрозы безопасности и целостности государства; наличие бюрократической структуры, отвечающей за безопасность государства и состоящей из профессионально подготовленных специалистов в этой области, которым разрешается действовать в обстановке большей секретности и которые не обязаны отчитываться в своих действиях в той мере, в какой это принято в демократическом обществе; наличие среди населения лиц иностранного

происхождения, плохо интегрированных в общество или не имеющих гражданства, которые могут восприниматься как выходящие за рамки «контракта», связывающего граждан и государство при демократическом устройстве общества. Указанные условия особенно часто возникают в ситуации вооруженного конфликта, как внутреннего, так и международного, когда угроза, с которой сталкивается государство, с готовностью персонафицируется в облике внутреннего или внешнего врага, грозящего насилем и разрушениями. При одновременном воздействии такие факторы могут оказаться сильнее ограничений и механизмов контроля, возникающих в связи с демократическими ценностями и институтами, которые обычно стоят на пути серьезных нарушений прав человека в демократическом обществе. В этом случае внимание следует обращать именно на такие обстоятельства, где бы они ни проявлялись, поскольку мы боремся с применением пыток и ищем пути, как добиться запрещения подобной практики во всем мире.